

Благодарю судьбу за то, что она подарила мне – мальчишке только вступающему в жизнь, встречу с Человеком, чье имя и творческое наследие стали символом добра, таланта и глубокой любви к Отчизне.

В 1970 году я закончил среднюю школу. Жил в родительском доме. Старший брат – в армии. Года за полтора до описываемых событий редактор районной газеты «Искра» Кирилл Кириллович Андреев (с газетой я тесно сотрудничал как юнкор несколько лет) предложил мне принять на жительство молодого, скромного, одинокого мужчину, приехавшего из Белозерского района работать в нашу районку – Юрия Котова.

Забегая вперед скажу, что он был одаренным поэтом, глубоким лириком. Личная его жизнь была не устроена и позднее закончилась трагически. Из представителей творческих профессий к тому времени я был знаком лишь с газетчиками нашей районки да кое с кем из журналистов «Вологодского комсомольца», с которым тоже внештатно сотрудничал.

Из всех выделялся Георгий Попов – мой первый наставник в газетном ремесле, – работавший ответственным секретарем редакции «Искры», ставший позднее известным художником, и

специальный корреспондент «Вологодского комсомольца» Виталии Кокарев, трагически погибший в 1975 году.

Был ещё преподаватель детской музыкальной школы Валерий Барабошин, тоже поэт не без дара. С ним нас свела школа комсомольского актива «Юность». Сейчас он священник, настоятель кафедрального собора в Вологде. Потом появился баянист и лирик Виталии Солнцев, работавший в «Искре» и живший на квартире у Новожиловым тоже на Сенной улице. Всё свободное время Виталий обитал с нами: помогал по хозяйству, играл на аккордеоне, который приносил с собой.

Вина не пили – не принято было. А угол наш притягивал к себе такие вот творческие, нестандартные натуры, и они находили приют, тепло и душевное участие в моем доме.

Сегодня я смею утверждать, что общение именно с этой категорией людей дало мне многое и сформировало жизненные принципы и мировоззрение.

Я отозвался на просьбу редактора – всё-таки не одному куковать в деревенской избе. Потом к нам поселился еще и мой двоюродный брат Миша Павлов, мой одноклассник. Жили дружно. И вот школа была уже поза-

«Я счастлив тем, что мы шагали рядом...»

НЕЧАЯННЫЙ ВИЗИТ

Фото Татьяны Звионовой.



В этом доме на улице Сенной в Чагоде когда-то и жил Николай Смирнов, а в июле 1970 года здесь гостил Николай Рубцов. В этом доме квартировал работавший корреспондентом районной газеты «Искра» поэт Юрий Котов.

ди, каждый выбирал свою дорогу. Я подал документы для поступления на исторический факультет Вологодского государственного педагогического института. Ждал вызова для сдачи вступительных экзаменов.

В последней декаде июля 1970 года Юрий Котов собрался навестить своего друга, тоже поэта, Виллиора Иванова, жившего в Бабаеве, и уехал к нему на выходные (сын Виллиора Андрей сегодня – известный журналист в Вологде). Уехал в пятницу вечером, а в воскресенье вернулся и не один.

С ним был среднего роста лысоватый молодой мужчина, представившийся Николаем. Он был настолько прост и располагал к себе, что я позволил себе хохотнуть по поводу того, что гостю, – более того, тёзке рад душевно.

Напряжения, обычного при встречах со старшими и ранее незнакомыми людьми, не было. Фамилию я узнал чуть позже. Это был Рубцов. Юра Котов уже тогда называл его великим русским поэтом.

Видеть живого великого поэта было неожиданно, интересно. Сомнения ушли незаметно, но однозначно и навсегда. Сразу, как только началось живое общение.

Первое впечатление – ГЛАЗА, глубокие, умные, грустные, но с горящими искорками – солнышками, которые я различил даже ранним утром.

Поезд к нам в Чагуду приходил в 4 часа утра, и мы улеглись досыпать. Поднявшись, первое, что сделали, так это объехали окутником плантацию картошки на нашем огороде. Не помню, для чего (ведь уже июль был на исходе), но сделать это мне советовали старшие соседи.

Потом взрослые мужики делали ещё что-то тяжёлое с дровами, а меня отправили жарить картошку на прошлогоднем свином сале. Мастак я был картошку жарить! И опыт имелся – это блюдо для нас, одиноких мужиков, было главным в повседневном обиходе.

Размявшись трудом праведным, мужики пришли в избу бодрыми и посвежевшими. Рубцов даже ополоснулся ключевой водой Чёрного ручья. Утёрся полотенцем, пригладил ладонью лысину и сам себе прочитал, словно молитву:

В горнице моей светло...

Я застыл зачарованный, с открытым ртом. Послышалась песня. А он, закончив начатое, прошёлся по избе и, оставаясь в себе самом, продолжил:

В этой деревне огни не погашены...

А после этого чудесного монолога с глубоким вздохом тихо и мечтательно то ли сказал, то ли попросил:

-Вот бы гармонь...

Гармошки в доме не было. Была семиструнная гитара. Рубцов взял её, перебрал струны, отложил в сторону и произнёс:

-Не то. К этому гармонь лучше.

Я понял, что фраза относится к тому, что он прочитал, и воспринял её как должное, чему комментарии были не нужны. Тогда уже было бесспорно ясно: ЭТО надобно петь!

И всё-таки, придя в себя после услышанных шедевров, я спросил, как это у него получается – складно и проникновенно.

О чём писать,

На то не наша воля.

Тобой одним

Не будет мир воспет!

Ты тему моря взял

И тему поля,

А тему гор возьми

Другой поэт.

Но если нет

Ни радости, ни горя,

Тогда не мни,

Что звонко запоёшь.

Любая тема –

Поля или моря,

И тема гор –

Всё это будет ложь!

Нет нужды описывать все двое суток общения с Рубцовым. Всё равно не пересказать. Всё равно будут лишь восторг, и грусть от его стихов, его глаза. Всё равно сами выплывают из памяти строчки:

Я люблю, когда шумят берёзы,

Когда листья падают с берёз.

Слушаешь, и бегают слёзы

На глаза, отвыкшие от слёз.

Впечатление от встречи было таково, что даже напряжение со сдачей вступительных экзаменов в институт не притупило, продолжало жить во мне. И сами по себе из глубины души пятнадцатилетнего пацана выплыли навсегда эти самодельные строчки.

Картошка, жаренная с салом...

Жалею сейчас лишь об одном – не фотографировал эту встречу. Почему, не могу сам себе объяснить. Фотоаппарат «Зоркий – 4» у меня был, и я с ним почти не расставался. Юра Котов тоже всегда таскал с собой свой «ФЭД» и в Бабаево ездил с ним. Такое, чтобы у нас «плёнка кончилась» и нечем было её заменить, невозможно.

Значит, это та же очаровательность встречей заколдовала нас обоих.

Я потом много думал об этом. Не понимал себя. Сожалел. Сегодня признаюсь, что виной всему стало то, что сам я в тот момент не придал долж-

ного значения этому визиту и знакомству с Рубцовым. Мальчишка – что уж говорить! Не дано было заглядывать чуталик вперёд. А жизнь, казалось, будет вечной. О скорых потерях в этом круге не думалось

В первые полгода моей учёбы в институте мы нечасто встречались на литературных вечерах, просто в городе, в редакции «Вологодского комсомольца».

Николай Михайлович бывал и в нашем общежитии на улице Герцена, д. 37. Он подружился с Сергеем Кругловым, тоже поэтом, моим однокурсником, жившим со мной в одной комнате. Его тоже давно нет на свете. Но это – отдельная тема.

Последний раз я видел Рубцова числа 10 – 12 января. Шла первая моя студенческая сессия. Рубцов зашёл с Сергеем Кругловым в общежитие за простой земной надобностью. Даже в комнату заходить отказался, поговорили накоротке в коридоре.

Причина у него на то была. Комната была большая, на десять человек. Люди разные. Были ребята много старше нас – вчерашних школьников – трое (не самых чутких и умных) с партбилетами.

Один из них, бывший шофёр лесовоза из каргопольской глубинки, сессии сдававший на «отлично» и впоследствии ставший – таки доктором наук, настолько кичился своей взрослостью, опытностью и партийностью, что порой был невыносим.

В один из визитов ко мне Рубцов столкнулся с ним. Они даже словом не перекинулись! Просто одновременно находились в комнате. Но глубокая и чистая душа поэта ту персону не приняла.

Потому в последнюю встречу, отказавшись зайти в комнату, он сказал:

-Там у вас в заднем ряду живёт «чёрный человек»...

Но мы всё-таки договорились после сессии основательно пообщаться. Не вышло...

Николаю Рубцову, Юрию Котову

Картошка, жаренная

с салом,

Лучок, укропчик и редис,

Вина «Лучистого» навалом

И разговор в дыму завис.

Но вы ведь и не говорили,

Не ели, не пили совсем,

Вы просто душами делились

И думами. А я был нем.

Мне очень нравится

вас слушать,

И мысли ваши понимать.

И снова предлагать

вам кушать.

И сковороду подогревать.

Николай СМЕРНОВ.

Материал подготовлен на основе статьи из «Местной газеты» № 7 (37).